

Москва, 1894 год

Несмотря на конец весны, по коридору Преображенской психиатрической лечебницы гуляли немилосердные сквозняки, и младший ординатор Зарубин в который раз за этот вечер пожалел, что не послушал матушку и не надел на дежурство фетровые боты. Федор Иванович сиротливо спрятал обутые в щегольские ботиночки заиндевевшие ноги под казенный стул и, зябко передернувшись, вопросительно посмотрел на дежурного врача Рутберга, всем своим видом выражая готовность в любой момент записывать. В воздухе явственно пахло водочным перегаром, и ординатор неодобрительно покосился на посетителей.

Посетителей было трое при одном сопровождающем. Из полицейского управления только что для освидетельствования доставили двух сомнительных дам и очевидно безумного старца, и младшему ординатору прямо на первом своем дежурстве предстояло применить полученные в университете знания и дать оценку душевному состоянию несчастных. Конечно, не самому, а под руководством многоопытного доктора Густава Арнольдовича.

Со стариком сомнений не было — он был самым очевидным образом безумен. Брыкающегося и плюющего во все стороны пациента при помощи санитаров облачили в смиренный камзол, вкололи успокоительное и водворили в коморку под лестницей, ожидая благотворного воздействия лекарства, после которого можно будет провести медицинский осмотр.

С дамами дела обстояли не так однозначно. Та, что постарше, одетая не без мещанской роскоши, с худым, изможденным лицом и воспаленными глазами, прямой агрессии не проявляла. Только, скалясь, ухмылялась и грозила сухоньким кулачком в сторону забранного решеткой окна. Проследив, как за беснующимся стариком захлопнулась низкая дверка каморки, Густав Арнольдович обернулся к сопровождающему полицмену и осведомился, кивая лысой головой на сердитую даму:

— Ну, любезный, а это что за птица?

— Мещанка Авдотья Тихонова, держит постоянный двор в Немецкой слободе. Извольте видеть, впала в буйство и задолжавшего извозчика плетью чуть не до смерти засекала.

— У него, у ворюги окаянного, денежки-то есть! Есть! Мне это доподлинно известно! — перестав показывать зубы, вдруг зачастила Авдотья Тихонова, обернувшись к доктору и хватая его за руки. — Он, злыдень, специально от меня капиталы свои спрятал, неимуцим прикидывается. Но неее-ет, шалишь! Хочешь, чтобы все было честь по чести, изволь платить за постой!

Тетка встала на цыпочки и, подавшись всем телом к лицу врача, со значением затрясла у него перед носом скрюченным пальцем. Доктор отшатнулся, провел ладонью по круглому черепу, приглаживая несуществующие волосы, и, скривившись, проговорил, обращаясь к уряднику:

— Везите в участок, это не по нашей части. Просто напилась. Завтра проспится, протрезвеет, будет отвечать за свои художества. А что со второй?

Вторая женщина была так молода, что больше походила на девочку. Она безропотно сидела на скамейке, куда ее усадили, глядя в одну точку и кутаясь в дорогое пальто. Взгляды присутствующих обратились на нее, но, казалось, девушка этого не замечает, сосредоточенно углубившись в свои мысли.

— Как зовут — не ведаю. На вокзале ее нашли, — деликатно кашлянул в ладонь полицейский. — Ходила по перрону, чемоданы свои искала. Думаю, опоили ее чем-нибудь, да и багаж умыкнули.

Доктор Рутберг подошел к застывшей в задумчивости девушке и легонько тронул за плечо.

— Прошу прощения, милая барышня...

Она словно бы очнулась и вскинула на доктора прозрачные глаза.

— Вы нашли чемоданы? — с надеждой проговорила девица. Голос был высокий и чистый, словно хрустальный. И говорила правильно, что выдавало девушку из хорошей семьи.

— Как ваше имя?

— Имя? — В зелени глаз мелькнул испуг. Она помолчала и растерянно сообщила: — Не помню. Да и какая разница.

Но тут же снова вернулась к волновавшему ее вопросу, высоко и звонко спросив:

— Мои чемоданы у вас? В полиции сказали, что отведут туда, где чемоданы...

Густав Арнольдович многозначительно посмотрел на ординатора, и тот торопливо склонился над столом, принимаясь за работу. Не отвлекаясь, Федор заносил в «скорбный лист» не только слова больной, но и особенности поведения и мимики.

— Скажите, дорогуша, как давно вы в Москве? Откуда приехали?

Девица удивленно взглянула на дежурного врача.

— В Москве? Я никогда в Москве не была. Да и что бы я стала там делать?

— И где, по-вашему, вы сейчас находитесь?

— Должно быть, вы шутите! — Она звонко рассмеялась. — Конечно же, дома.

— И где ваш дом?

— Да здесь же!

— Тогда ответьте, милая барышня, зачем вы отравились с чемоданами на вокзал?

— Уезжаю на воды. Верните скорее чемоданы, там у меня и документы, и билеты. Все там. Должно быть, поезд с минуты на минуту отправится. Как бы не опоздать.

Она помолчала и с обидой заметила:

— Я не понимаю, отчего мы говорим о чем угодно, только не о том, что для меня действительно важно. Мне необходимы чемоданы. Мои чемоданы. Мне сказали, что они у вас. Соблаговолите вернуть.

Густав Арнольдович обернулся к приставу и обронил:

— Старика и девушку оставляем в отделении, а мешанку Тихонову можете забирать в участок.

Подписав бумаги и закрыв за полицейским и старухой дверь, доктор приглашающе кивнул, и от стены отделилась акушерка Мария Семеновна, незаметная в форменном крахмальном платье на фоне белого кафеля. Быстрой тенью она шагнула к больной, не слишком любезно помогла подняться с пуфика и, подхватив под локоть, повела за ширму. Густав Арнольдович склонился к младшему ординатору и напомнил:

— Результаты осмотра запишите на последней странице карты. Если венерических заболеваний нет, так и указываете. В случае обнаружения болезней не ленитесь, перечисляете, какие именно.

Федор утвердительно качнул головой, прислушиваясь к звукам, долетающим из-за ширмы — торопливому шелесту шелка и требовательному голосу не склонной к сантиментам акушерки:

— Ну же! Снимайте все! Я сказала — все! И поживее!

— Что вы делаете! — всхлинула пациентка. — Вы порвете мне лиф!

— Обязательно порву, если ты и дальше будешь хватать меня за руки.

Заскрипело кресло, звякнули стальные инструменты, и акушерка выкрикнула:

— Заболеваний я не вижу, а вот беременность имеется. Приблизительно восемь недель.

Федор старательно вывел на последней странице карты: «Беременность — восемь недель». Доктор скопил в карту желтый глаз и сердито зашептал:

— Зачем вы это пишете?

— Ну как же, — растерялся юноша. — Это же медицинский факт...

— Какое нам дело до ее беременности? А если она во время пребывания у нас возьмет и выкинет? Что вы тогда запоете? По ней же видно, что дворянка, может быть, даже из родовитых. Неприятностей не оберешься.

— Не понимаю! Зачем приличную барышню осматривать на предмет срамных болезней?

— А разве у родовитых сифилиса не бывает? — не без ехидства осведомился врач. — И потом, кто ее знает, где она жила все это время. Вы не смотрите, что она чисто выглядит и прилично одета. Притоны тоже разные бывают. Может, девица из какого-нибудь высококлассного публичного заведения. Как у Анны Марковны на Каланчевке. С виду вроде бы и не подумаешь, а она возьмет и перезаражает всю лечебницу. Молодой вы еще. Жизни не знаете.

Густав Арнольдович подхватил сшитые грубыми нитками листы и вырвал последнюю страницу, скомкав и выбросив в корзину для бумаг. Кинув «историю болезни» обратно на стол, сердито буркнул:

— Пишите — венерических заболеваний не выявлено. И больше ничего не пишите на этой странице. А потом вернитесь к началу записей и укажите, что при первичном осмотре выявлены патологические нарушения памяти. И ориентации в пространстве. С диагнозом пока повременим. Понаблюдаем.

— Мне кажется, урядник прав — бедняжку опоили, чтобы ограбить, — высказал догадку младший ординатор. И жалостливо протянул: — А вдруг ее родные ищут?

Доктор налился желчью и нравоучительно завел:

— Уважаемый Федор Иванович, вы уж поверьте старику, розыски пациентов семьей — не наша с вами забота. Если полиция не считает нужным озаботиться установлением личности этой так называемой «потеряшки», то, значит, того и не требуется.

Пока старый доктор рассуждал, из-за ширмы показалась вновь оформленная пациентка, утратившая свою прежнюю респектабельность. Вместо добротного пальто на ней была надета лишь тонкая больничная сорочка, в которой девушка казалась заблудившимся ребенком. Низеньким, приземистым, на крепких коротких ножках. Собирая на ходу ее распушенные по плечам густые огненно-рыжие волосы в высокий хвост, акушерка подталкивала больную в пухлую спину, направляя к помывочной. Федор наблюдал, как, затолкав жертву в обложенную кафелем комнатушку, акушерка захлопнула за собой дверь, и через пару секунд послышался звук льющейся воды, и тут же раздался пронзительный женский крик такой высоты и силы, что у младшего ординатора заложило уши.

— Холодная водичка все недуги лечит, — одобрительно заметил доктор Рутберг.

И, снимая с крючка пальто с бобровым воротником, распорядился:

— Федор Иванович, закончите с оформлением бумаг и препроводите «потеряшку» в общую палату. Положите подальше от Глафиры и проследите, чтобы девочку не обижали.

Развернувшись к висящему над рукомойником дымному от старости зеркалу, Густав Арнольдович надел шляпу, не без щегольства сдвинув поля набок, и, подкрутив усы, кивнул Зарубину:

— *Счастливо оставаться, коллега. Сдадите смену и с чистой совестью отправляйтесь на боковую.*

За дежурным врачом захлопнулась дверь, и Федор перевел тоскливый взгляд на помывочную, откуда доносилось жалобное девичье поскуливание и грозные окрики акушерки. Вскоре Мария Семеновна вышла, волоча за собой дрожащую мокрую пациентку, со спутанных волос которой обильными струями стекала вода, придавая несчастной сходство с утопленницей или русалкой.

— *Скажите, а когда мне отдадут чемоданы?* — *стуча зубами от холода, тоненько вымолвила девушка, умоляюще глядя на суровый затылок своей мучительницы.*

— *Идите за мной, вам все отдадут,* — *сухо отрезала Марья Семеновна, решительным шагом приближаясь к застывшим в ожидании санитарам. Дюжие парни приняли пациентку в середине коридора женского отделения и привычно повели в палату.*

У Федора сжалось сердце, такой юной и беспомощной показалась ему новая больная, неуверенно ступающая среди гигантов в несвежих медицинских халатах. Она семеняла между двумя мужчинами и робко спрашивала про чемоданы. Раньше Федор наблюдал пациентов уже в процессе лечения, и стянутые ремнями по рукам и ногам явные безумцы не вызывали у него особых эмоций. Пожалуй, только брезгливость. И еще профессиональный интерес. Теперь же имела место жалость, щедро приправленная симпатией.

Возможно, девушка напомнила ему младшую сестру Надежду — особу эмансипированную, мечтающую поступить на бестужевские курсы, уйти из семьи и начать самостоятельную жизнь. А может, дело было в том, что «потеряшка» была молоденькая и хорошенькая, да еще и первая из его собственных пациенток. Как бы то ни было, но, глядя, как санитары уводят подопечную в палату, Федор переживал, но недолго. Он

сильно замерз и теперь думал о том, что не помешало бы выпить чаю.

Младший ординатор Зарубин поставил точку в начатой «истории болезни», выбрался из-за стола и, накинув на плечи висевший в углу приемного отделения овчинный тулуп, отправился на кухню. Открыл водопроводный кран, наполнил чайник отдающей ржавчиной водицей и брякнул его на горячую плиту. Вернувшись в приемную, вынул из портфеля стопку прихваченных из дома газет и разложил на столе. Взял верхнюю — «Московские ведомости». Просмотрел и отложил — сделалось скучно. Определив по яркому сгибу, из середины стопки вытянул увлекательного «Шершня ля фам» и погрузился в чтение.

Газета специализировалась на жареных фактах и сенсационных расследованиях, а лучшим из публикующихся в «Шершне» авторов общепризнанно считался фельетонист Саша Ромейко. Ах, как хлестко он писал о борделях — посетителях-завсегдатаях и служащих там девицах, опустившихся не по своей воле, а в силу непреодолимых причин. Каких острых тем касался, рассказывая про бытовое пьянство среди почтенных матерей семейств, доведенных до отчаяния неверными мужьями! Как клеймил позором отцов-домостроевцев, не отпускающих дочерей учиться!

Читать Ромейко считалось дурным тоном, однако вся Москва читала и, посмеиваясь, ругала автора за бесстрашие в выборе тем и не в меру фривольный слог. Дочитывая очередной фельетон любимого автора, Федор вдруг подумал, что стоит позвонить в редакцию «Шершня» и рассказать про «потеряшку». Приедет фотограф, сделает снимок, фотографии разместят на первой полосе газеты, и родные и близкие девицы обязательно откликнутся. Ничего сложного в этом нет. Телефон редакции указан, на всякий случай и адрес дан. Если не дозвонится, можно с утра прогуляться в редакцию и лично пригласить фотографа в лечебницу.

На душе сделалось легко. Правда, душевному покою способствовало не столько принятое человеколюбивое решение, сколько тоненький свист закипевшего чайника. Федор устремился на кухню и, вооружившись несвежим полотенцем, подхватил чайник с плиты. Вот прямо утром и свяжется с редакцией, думал ординатор Зарубин, заваривая чай. Затем он со вкусом отужинал оставленной для него на плите отварной рыбой с рассыпчатой картошечкой и, вернувшись в приемный покой, устроился на потертом диване, размышляя о семье новой пациентки. Как они, должно быть, сейчас волнуются! Как беспокоятся, бедняги, места себе не находят... Шутка сказать — дочь пропала! Да какая дочь! Маленькая, рыженькая, пухленькая, с тонким детским голоском — не девушка — игрушка. Надо же, беременная. Должно быть, у нее и жених имеется. Нынче все прогрессивные барышни только и говорят, что о свободе и равноправии, о формализме брачных отношений, а причиной тому господин Чернышевский. Скандальным своим романом наделал столько шума, в скольких девицах разбудил эмансипе!

Роман «Что делать» прогремел в шестидесятые, но и по сей день не диковина встретить на улице эдакую стриженую нигилистку в неряшливой юбке и в синих очечках, попыхивающую папирской и рассуждающую в духе Веры Павловны о превосходстве женской природы над природой мужской в плане ума. И громогласно заявляющей, что лишь многовековое господство насилия не позволило дамам найти себе нужную реализацию. Да что далеко ходить! Сестра Надежда, начитавшись Тургенева, пристрастилась дымить папирской и наотрез отказалась выходить замуж за надворного советника, предпочтя скучному чиновнику юного студента естественнонаучного факультета.

И что греха таить, любящий братец уже отводил сестрицу к их больничной акушерке, к той же самой

Марье Семеновне, чтобы не фразировать маменьку внезапной беременностью незамужней девицы, пока что находящейся в статусе невесты и ожидающей окончания женихом университетского курса и распределения в дальнюю губернию. Там, в глуши, Надюша планирует применить свои недоюжинные педагогические таланты, основав школу для крестьянских детей и посвятив себя их воспитанию. Размышляя о всяких приятных и не очень приятных вещах, младший ординатор и сам не заметил, как погрузился в сон. Проснулся оттого, что кто-то тряс его за плечо. Открыв глаза, увидел склонившегося санитаря.

— Федор Иванович! Федор Иванович!

— Что такое? — вскинулся ординатор Зарубин.

— Господин доктор, — бормотал санитар, — пойдете скорее!

— Да что случилось?

— В женском отделении новенькая бузит, — озабоченно сообщил здоровенный детина. — Всю палату перебудила.

Наблюдая за тем, как сидя на диване, не до конца проснувшийся врач пытается попасть ногами в изящные ботинки, санитар наставительно заметил:

— Вы бы, господин доктор, укольчик с собой прихватили, а я за смиренным камзолом схожу.

Справившись с ботинками и плохо соображая, что нужно делать, вчерашний студент распахнул стеклянные дверцы шкафа с медикаментами и в растерянности замер перед выставленными в ряд пузырьками с лекарством.

— При буйстве Густав Арнольдович обычно вот этот вот колет, — толстый палец санитаря указал на небольшую склянку.

Федор ухватил нужный пузырек, наполнил шприц и двинулся следом за детинкой. Тот семимильными шагами пересек коридор, и в конце его, на подступах

к женскому отделению, Федор услышал звенящий жалобный голос:

— Господа! Верните чемоданы! Для чего вам понадобилось мое белье? Вы даже не сможете его продать! Ради всего святого, вещи не новые, они ничего не стоят!

— Слышите? Как проснулась, так глотку дерет, — санитар на ходу обернулся к ординатору. И недовольно добавил: — В буйное надо переводить.

— Погодите вы в буйное, — испуганно оборвал Федор.

В буйном было нехорошо, заходить туда Федор не любил. Честно говоря, боялся. Пациентки хотя и были прикованы к кроватям кожаными ремнями, но это не мешало им биться в конвульсиях и ругательски ругать каждого, кто попадется на глаза. В туалет больных водили по расписанию, но было бы странно думать, что помешанные особы станут считаться с графиком посещения нужника. Они и не считались, ходили под себя. Поэтому запах в большом, на двадцать коек, помещении стоял такой, что стоило туда зайти, и делалось дурно. Санитары брали на себя труд мыть и переодевать несчастных лишь тогда, когда приходил посетитель. Но родственники и друзья крайне редко вспоминали о своих безумцах, и те месяцами гнили в обгаженных рубашках на кроватях с почерневшим от грязи бельем.

Учитывая все эти факты, переводить новенькую в отделение для буйных младший ординатор решил бы в самом крайнем случае, ибо, придумав ее судьбу и проникшись сочувствием к семейству девушки, чувствовал за «потеряшку» личную ответственность.

Причитания несчастной усилились, как только распахнули дверь. Бочком войдя в палату, Федор застыл на месте. Первое, что бросилось в глаза, — злобное лицо второго санитаря, сидящего в ногах жалобно кричащей пациентки. На левой щеке у девушки отпечатался красный след от пятерни — должно быть,